

Шэнь Жань теперь сильно жалел, что не попробовал поцеловаться с Гу Цином. Хотя бы это помогло бы немного стереть тени в душе и дало бы больше возможностей для манёвра с Фу Дунчэнем. Мягкое и влажное прикосновение губ вновь вытащило на свет неприятные воспоминания, сопротивление Шэнь Жаня ослабевало, хотя глаза наливались кровью всё сильнее.

— Ты, сколько бы ни притворялся святым, всё равно шлюха, которую Фу уже поиграл. Я не отвергаю тебя, старую потаскуху, так что радуйся, что я вообще к тебе прикасаюсь! Чего ты дёргаешься?

— Продолжай орать! Что, братцы так хорошо накормили, что не можешь?

— Если бы Фу увидел тебя в таком виде, не знаю, то ли разозлился бы, то ли стошнило! Не переживай, когда ты сдохнешь, я не стану скрывать твоё тело, обязательно покажу его Фу! Ха-ха-ха...

Раздался резкий хлопок — Шэнь Жань, неизвестно откуда взяв силы, резко оттолкнул Фу Дунчэня и со всей души ударил его по лицу. Пока тот был ошеломлён внезапным ударом, Шэнь Жань пнул его, сбив с кровати. Не дав Фу Дунчэню опомниться, он спрыгнул сам и снова ударил его по лицу. На щеках мгновенно отпечатались пальцы — видно, Шэнь Жань не жалел сил.

Теперь ненависть, кипевшая в сердце Шэнь Жаня, немного улеглась. Он встал и с каменным лицом посмотрел на лежащего на полу Фу Дунчэня:

— Ты протрезвел?

Если две пощёчины и этот вопрос заставили Фу Дунчэня инстинктивно захотеть ответить тем же, то когда его взгляд упал на неестественно изогнутую правую руку Шэнь Жаня, это было словно ведро ледяной воды, вылитое на голову. Гнев погас, не оставив и дыма. Когда Шэнь Жань ударил его, шрам на ладони терся о щёку, и это грубое ощущение всё ещё было с ним, вызывая раскаяние.

Фу Дунчэнь начал сожалеть. Из-за неприятностей в семье Сюй он и так был на взводе, а вернувшись и не найдя Шэнь Жаня дома, вспыхнул ещё сильнее, даже тон телефона был резким. Теперь он понимал, что реакция Шэнь Жаня была нормальной. Шэнь Жань не любил оковы и допросы, а предыдущие слова и поступки Фу Дунчэня наступили на его больную мозоль, не удивительно, что тот захотел уехать.

Фу Дунчэнь сейчас корил себя больше всего. Шэнь Жань ради него готов был жизнь отдать, о чём ему было сомневаться? Едва удалось немного приоткрыть сердце Шэнь Жаня, а он всем испортил.

Фу Дунчэнь забыл про злость из-за пощёчин и поспешно встал:

— Прости, я загнался. Сяожань, не злись, я просто не выдержал, когда услышал эти два слова, и потерял контроль. Прости, Сяожань, я просто слишком тебя люблю и боюсь, что ты уйдёшь.

Краснота в глазах Шэнь Жаня уже почти спала, остались лишь лёгкие прожилки крови. Он отступил на шаг:

— Фу Дунчэнь, ты понимаешь, что такое любовь? Что ты умеешь, кроме как контролировать меня? Мне нужно равенство, а не прислуживание. Если ты не можешь дать мне даже базового

уважения, лучше закончить сейчас, чтобы потом не стать врагами.

— Нет! Я не позволю! — жёстко отрезал Фу Дунчэнь. — Ты хочешь равенства — я дам. Ты хочешь уважения — я дам. Но больше не заставляй меня слышать слово «конец»!

Шэнь Жань холодно посмотрел на Фу Дунчэня и, не церемонясь, отстранил его, направляясь к выходу.

— Сяожань! — Фу Дунчэнь схватил его за запястье, смягчив голос. — Только что я был слишком импульсивен, прости. Недавно на нас напали, а сегодня я вернулся и не нашёл тебя дома, мне сразу показалось, что с тобой беда, поэтому тон при звонке был резковат. Едва дождался тебя, а ты... — Фу Дунчэнь помолчал и продолжил, — Сяожань, я правда люблю тебя, и верю, что и ты ко мне относишься с чувством. Обещаю, что обязательно буду ставить тебя на равную позицию и дам достаточно уважения. Не говори больше о конце, хорошо?

Шэнь Жань холодно усмехнулся:

— А если ты не сможешь?

— Не может такого, — отрицательно покачал головой Фу Дунчэнь. — Сяожань, я никогда никого не любил и не знаю, как это делать. Ты первый, кого я полюбил, я только думал о том, чтобы удовлетворить тебя, дать лучшее, заботиться по наитию, но, похоже, метод был неверен. Но я исправлюсь. Чего бы ты ни хотел, я всё исполню, ладно?

Шэнь Жань опустил веки, губы скривила холодая усмешка. Фу Дунчэнь действительно никогда никого не любил, это факт. Не умел любить — тоже факт. Но говорить, что сейчас он влюбился в него — это была самая смешная шутка. Для Фу Дунчэня каждый, за кем он ухаживал, был его первой любовью, и Шэнь Жань не знал, кем по счёту «первым» он является. Он признавал, что эти слова унижения Фу Дунчэня могли бы тронуть кого-то, но, к сожалению, его сердце не переродилось вместе с ним. В этом расчёте на искренность проигравшим всегда останется не он!

Шэнь Жань вырвал руку и холодно произнёс:

— Это второй раз, Фу Дунчэнь. Бог терпит трое. Если будет ещё раз, мы закончим.

Фу Дунчэнь помолчал, потом ответил:

— Хорошо.

Шэнь Жань больше ничего не сказал и вышел из комнаты Фу Дунчэня.

Слушая затихающие шаги, Фу Дунчэнь с едва заметной жестокостью подумал: «В следующий раз ты уже будешь моим. Посмотрим, скажешь ли ты тогда что-то о конце!»

Эта ночная ссора показалась небольшой шуткой, на следующий день Фу Дунчэнь и Шэнь Жань вернулись к обычной жизни. Они спокойно позавтракали и разошлись кто в университет, кто в компанию. В обед Фу Дунчэнь забрал Шэнь Жана из университета, покормил и отвёз в Шанью. Всё было спокойно, словно ничего не случилось, и они не обсуждали этот конфликт.

Шэнь Жань как обычно пошёл в свой личный тренировочный зал. Фу Дунчэнь проводил его до двери и уехал из Шанью — сейчас дел по семье Сюй было невпроворот, особенно тот пропавший документ, который нужно было срочно найти.

После ухода Фу Дунчэня А Ле, к удивлению Шэнь Жаня, первым делом закрыл дверь на замок. Шэнь Жань подумал, что А Ле узнал о его поездке в Столицу ночи, и уже думал, как выкручиваться, но А Ле понизил голос:

— Ажань, мы выследили тех людей из Братства Орла, что контактировали с Большоголовым.

Шэнь Жань на миг застыл, вспомнив недавнюю историю, когда глава восточного района втайне помогал перевозить наркотики, и он, Шэнь Жань, разобрался с ним. Благодаря этому он зачистил немало нарушителей, и теперь в отделении, несмотря на ропот недовольных, никто не смел бунтовать. Но цель Шэнь Жаня была не просто в чистке рядов.

Шэнь Жань подумал и спросил:

— Кто первым связался с Большоголовым?

А Ле назвал имя, и Шэнь Жань сказал:

— Тогда подложи ему это.

А Ле засомневался:

— Ажань, ты это...

Шэнь Жань улыбнулся:

— Наше отделение долго тратило силы на борьбу с Братством Орла, пора и вернуть долги, не так ли?

— Но глава Братства Орла и Фу Дунчэнь...

Прожив несколько лет в прошлой жизни, Шэнь Жань отлично знал, что глава Братства Орла и Фу Дунчэнь были тесно связаны. Можно сказать, Фу Дунчэнь открывал Братству Орла двери в легальном бизнесе, а Братство Орла было его клинком в подполье. А Шэнь Жань давно хотел забрать этот клинок у Фу Дунчэня. Без клинка Фу Дунчэнь в городе S был бы как без руки, и тогда расправиться с ним было бы куда проще.

Шэнь Жань прищурился и холодо усмехнулся:

— А Ле, знаешь, драка между собаками — зрелище стоящее.

Покинув Шаньгу, Шэнь Жань не сразу поехал в квартиру, а специально прогулялся, описывая круги, и лишь убедившись, что Фу Дунчэнь не послал хвост, сел на метро в сторону дома. Раньше Шэнь Жань никогда не ездил на таком транспорте. Когда отец был жив, была личная машина, а после несчастья, если было недалеко, он ходил пешком. Теперь же, чтобы побороть страх перед людскими прикосновениями, он не только пытался ходить в толпе, но и выбрал метро как самое подходящее место для этого.